

Пушкина (Задоева) Элла Петровна

Все, что происходило со мной в раннем детстве, я воспринимала как норму нашего существования. Эта жизнь наложила отпечаток на все дальнейшее, что происходило со мной в юности, в зрелости и даже сейчас – в старости.

Как только я начала себя ощущать - видимо, это последние годы войны и послевоенное время - в моей душе сразу поселилась тревога, страх. Это исходило от взрослых: папы неделями не было дома, мама - в постоянной заботе о нас: накормить, уберечь от холода и болезней... Особенно запал в память «дежурный узелок» отца, когда мы каждую ночь ждали «воронок». Тогда случалось все – аресты, мобилизация на фронт, да и просто исчезновение людей...

Папа не попал на фронт из-за плохого зрения. А ареста мы ждали из-за ЧП, произошедшего на предприятии, где работал отец. Он был безупречным сотрудником, заведовал цехом, но случился взрыв на складе снарядов. Завели дело, искали виноватых, многих «вычистили»... Тогда папин знакомый чекист подсказал: «Уезжай отсюда, увози детей! Езжай на родину жены». Папа был членом партии, всегда был в активе, работал и секретарем райкома, будучи сотрудником завода, всегда на виду. Просто так не отпускали таких людей, нужно было направление. Видимо, товарищ и с этим помог.

Помню, у нас была фотография – четыре молодых человека, среди них мой папа. Как оказалось, все они попали под «колеса системы» после того случая на предприятии. Если бы отец тогда остался, его бы тоже не было с нами...

Из детского сада навсегда запомнилось одно событие. Детсаду подарили парашют, и из этого парашютного шелка нам, девочкам, которые уходили в школу, сшили платья. Нашему счастью не было границ! Причем, воспитатели радовались не меньше. Парашютный шелк – плотная блестящая белая ткань, как облако, - красота! Один мальчик так горько плакал, что ему тоже пришлось сшить платье из шелка. Но надели мы платья один раз, нам их не отдали. Думаю, в этих нарядах детсад выпустил не одно поколение.

Военные зимы были холодные, к тому же, мы жили в Сибири. Помню, мама приносит с рынка тарелку с мороженым молоком и морковкой и дает мне эту твердокаменную морковку, оранжевое чудо! Я ее облизываю и радуюсь, не столько вкусу, сколько яркому цвету. А потом мы с Женей остервенело скребем ложками замороженное молоко...

У меня жуткие воспоминания о послевоенном времени. В 1946 году мы приехали в Иваново, который запомнился поначалу нищими, инвалидами, беженцами, изувеченными узниками концлагерей. Страшные, грязные, увечные, они просили милостыню и дрались из-за куска хлеба. И часто можно было увидеть такую картину - до мурашек по коже: едет в самодельной коляске полчеловека, без ног или без рук, и вся грудь в орденах! Много было бездомных женщин из плена, изможденных, в грязных отрепьях, и глаза мертвые... Их постепенно «убрали» с улиц, но память не сотрешь. Помню одну женщину, бывшую пленную, ее наша бабушка подкармливала, чей возраст было невозможно определить из-за грязи и худобы. На руке, пониже локтя, у нее был лагерный номер из пяти цифр. Она все убеждала бабушку, что сын ее обязательно Николай приедет к ней, - он пропал без вести осенью 1941-го под Москвой. Не сбылось предсказание...

Где-то в 1947 году вернулся из Берлина дядя Костя, танкист, офицер. На его лицо было страшно смотреть – горел в танке. Он привез какую-то еду и кусок маргарина, но его называли маслом. Я сижу в сторонке и «ем» его глазами. Костя предлагает мне сделать бутерброд. Я в ужасе – съем, а другим не хватит! Разве можно так легко распоряжаться едой?! Гордо отказываюсь, а ночью исхожу слюной: такой вкусный, наверное, был этот кусок с маслом! На всю жизнь сливочное масло для меня – самая лучшая еда, святое лакомство!

Сегодня, когда вижу хлеб, брошенный на землю, или куски, отправленные на прикорм уткам, мне становится больно, физически больно. Вспоминаю драники из мороженой картошки, жмых от семечек, который можно грызть целый день, бочки из-под патоки на берегу Волги. Эти бочки были сладкие и грязные, и мы их облизывали в том месте, где патока через щель вытекала наружу. А еще был лес: ягоды и грибы, орехи, какая-то зелень и, конечно, чужие сады и огороды...

Иногда мы с братом находили припрятанный от нас сахарин, макали мизинец в этот сладкий порошок и долго сосали палец. Перед школой я впервые попробовала шоколад, это было потрясение! Долго просила папу принести мне «вкусной коричневой глины»...

Когда мы приехали в Иваново, с работой здесь было очень плохо. Отец пришел в горком партии, рассказал о себе, сказал, кем может работать, и ему ответили: «Устраивайтесь!» Кто-то посоветовал поехать в Плес, где строили большой туберкулезный санаторий, – после войны было много легочников.

Его назначили начальником строительства этого санатория - там и сейчас это лечебное учреждение. Так что в первый класс я пошла в Плесе.

Первая учительница – тихая, усталая, немолодая женщина. Она встретила нас по-домашнему, ласково. На ней была темно-зеленая старенькая кофточка, в ней же она нас проводила потом и в пятый класс...

В один из первых дней занятий учительница просит поднять руку ребят, у кого есть папа. Я подняла руку и оглянулась – больше ни одной руки... До сих пор думаю: может, это мне все приснилось? Но точно помню, что ко мне сложилось какое-то особое отношение у ребят, любопытство – каково это, жить с папой? Многие мои одноклассники тяжело и серьезно работали: возили на санках дрова, таскали воду, ухаживали за огородом, помогали старым одиноким людям. Дети рано выросли. Мы жили в квартире, но тоже одно время ухаживали вместе с Женей за коровой, хотя не помню, где ее держали. И, конечно, нянчились с младшей сестрой.

ЮМ

9 августа 2022 г.